

Отец Браун

Гилберт Честертон
Конец Пендрагонов

«ЭКСМО»

1914

Честертон Г. К.

Конец Пендрагонов / Г. К. Честертон — «Эксмо», 1914 — (Отец Браун)

ISBN 978-5-457-43813-2

«Отец Браун не был расположен к приключениям. Недавно он занедужил от переутомления, а когда начал поправляться, его друг Фламбо взял священника в круиз на маленькой яхте за компанию с Сесилом Фэншоу, молодым корнуоллским сквайром и большим любителем местных прибрежных пейзажей. Но отец Браун был еще довольно слаб. Плавание не слишком радовало его, и, хотя он не принадлежал к нытикам или ворчунам, но пока что не мог подняться выше вежливой терпимости по отношению к своим спутникам. Когда они восхваляли рваные облака на фоне пурпурного заката или зазубренные вулканические скалы, он учтиво соглашался с ними. Когда Фламбо указал на утес, похожий на дракона, он кивнул, а когда Фэншоу еще более восторженно указал на скалу, напоминавшую фигуру Мерлина, он жестом выразил свое согласие. Когда Фламбо поинтересовался, уместно ли назвать скалистые ворота над петляющей рекой вратами в Сказочную страну, он ответил «да, разумеется». Он выслушивал важные вещи и банальности с одинаково бесстрастной сосредоточенностью. Он слышал, что скалистый берег грозит смертью для всех моряков, кроме самых бдительных, и слышал о том, что корабельная кошка недавно заснула. Он слышал, что Фламбо никак не может найти свой мундштук, и слышал, как штурман произнес присказку: «Смотришь в оба – будешь дома, раз моргнет – ко дну пойдет». Он слышал, как Фламбо сказал Фэншоу, что это, без сомнения, призыв быть бдительнее и держать глаза открытыми. Он слышал, как Фэншоу ответил Фламбо, что на самом деле это означает совсем не то, что кажется: когда штурман видит по обе стороны от себя два береговых огня, один рядом, а другой в отдалении, значит, судно идет по верному фарватеру. Но если один огонь скрывается за другим, то судно идет на скалы. Фэншоу добавил, что его романтическая земля изобилует такими побасенками и причудливыми идиомами. Он даже сравнил этот уголок Корнуолла с Девонширом в качестве претендента на лавры мореходного искусства елизаветинской эпохи. Эти бухты и островки взращивали капитанов, по сравнению с которыми сам Фрэнсис Дрейк показался бы сухопутной крысой...»

ISBN 978-5-457-43813-2

© Честертон Г. К., 1914

© Эксмо, 1914

Гилберт Кийт Честертон

Конец Пендрагонов

Отец Браун не был расположен к приключениям. Недавно он занедужил от переутомления, а когда начал поправляться, его друг Фламбо взял священника в круиз на маленькой яхте за компанию с Сесилом Фэншоу, молодым корнуоллским сквайром и большим любителем местных прибрежных пейзажей. Но отец Браун был еще довольно слаб. Плавание не слишком радовало его, и, хотя он не принадлежал к нытикам или ворчунам, но пока что не мог подняться выше вежливой терпимости по отношению к своим спутникам. Когда они восхваляли рваные облака на фоне пурпурного заката или зазубренные вулканические скалы, он учтиво соглашался с ними. Когда Фламбо указал на утес, похожий на дракона, он кивнул, а когда Фэншоу еще более восторженно указал на скалу, напоминавшую фигуру Мерлина, он жестом выразил свое согласие. Когда Фламбо поинтересовался, уместно ли назвать скалистые ворота над петляющей рекой вратами в Сказочную страну, он ответил «да, разумеется». Он выслушивал важные вещи и банальности с одинаково бесстрастной сосредоточенностью. Он слышал, что скалистый берег грозит смертью для всех моряков, кроме самых бдительных, и слышал о том, что корабельная кошка недавно заснула. Он слышал, что Фламбо никак не может найти свой мундштук, и слышал, как штурман произнес присказку: «Смотришь в оба – будешь дома, раз моргнет – ко дну пойдет». Он слышал, как Фламбо сказал Фэншоу, что это, без сомнения, призыв быть бдительнее и держать глаза открытыми. Он слышал, как Фэншоу ответил Фламбо, что на самом деле это означает совсем не то, что кажется: когда штурман видит по обе стороны от себя два береговых огня, один рядом, а другой в отдалении, значит, судно идет по верному фарватеру. Но если один огонь скрывается за другим, то судно идет на скалы. Фэншоу добавил, что его романтическая земля изобилует такими побасенками и причудливыми идиомами. Он даже сравнил этот уголок Корнуолла с Девонширом в качестве претендента на лавры мореходного искусства елизаветинской эпохи. Эти бухты и островки взращивали капитанов, по сравнению с которыми сам Фрэнсис Дрейк показался бы сухопутной крысой.

Отец Браун слышал, как Фламбо рассмеялся и спросил, не означает ли старинный моряцкий клич «на запад, хей-хо!», что на самом деле все девонширцы хотели бы переселиться в Корнуолл. Фэншоу ответил, что над этим не стоит шутить, и корнуоллские капитаны не только были героями, но и не утратили своей славы. Даже сейчас они находятся недалеко от того места, где живет вышедший в отставку старый адмирал, покрытый шрамами во многих славных и опасных походах; в юности он открыл последнюю неизвестную группу из восьми тихоокеанских островов, нанесенную на карту мира. Сам Сесил Фэншоу принадлежал к тому типу людей, которым свойственна простодушная, но располагающая к себе восторженность. Он был очень молодым человеком, светловолосым, с энергичным лицом и здоровым румянцем на щеках, отличавшимся мальчишеской бравадой на словах, но почти девичьим изяществом в манерах и движениях. Широкие плечи, черные брови и самодовольные мушкетерские манеры Фламбо составляли разительный контраст с его собеседником.

Браун слышал и видел все, что творилось вокруг, но чувствовал себя усталым путником, слушающим перестук железнодорожных колес, или больным, разглядывающим узор на обоях комнаты. Невозможно предсказать подъемы и спады настроения выздоравливающего человека, но подавленное состояние отца Брауна во многом было связано с его непривычностью к морским прогулкам. Когда речное устье сузилось, словно бутылочное горлышко, волны успокоились, а воздух потеплел и наполнился запахами земли, он как будто проснулся и стал с детским любопытством глядеть по сторонам. Они приплыли сюда вскоре после

заката, когда воздух и вода еще хранили остатки дневного света, но земля вместе со всем, что растет на ней, казалась почти черной. Однако этот вечер был совершенно необычным. В атмосфере разлилась та редкостная благодать, когда мутное стекло, отделяющее нас от Природы, как будто растворяется, и даже сумерки выглядят более светлыми, чем самые яркие краски в облачные дни. Утопанные земляные насыпи на берегах реки и торфяные пятна в прудах не удручали взор своей серостью, но сияли жженой умброй, а темный лес, колеблемый ветром, не был подернут обычной синеватой дымкой расстояния, а казался слитной колышущейся массой фиолетовых соцветий. Магическая прозрачность воздуха и насыщенность вечерних оттенков тем сильнее действовали на медленно оживающие чувства Брауна, что в самой форме ландшафта было нечто романтическое и даже таинственное.

Река была еще достаточно широкой и глубокой для прогулочной яхты, но изгибы местности указывали на предстоящее сужение. Лес по обоим берегам подступал все ближе; кроны деревьев постепенно смыкались над водой, и судно как будто проплывало из романтической долины через сказочную лощину в таинственный тоннель. Но кроме природных красот, вокруг было мало пищи для пробудившегося интереса отца Брауна. Он не видел людей, если не считать каких-то цыган, бредущих вдоль берега, с ивовыми прутьями и вязанками хвороста, собранного в лесу, да темноволосой девушки с непокрытой головой, управлявшейся с веслом в маленьком челноке. В последнем зрелище не было ничего необычного, хотя в таких укромных местах оно встречалось еще редко. Если отец Браун и придал какое-то значение увиденному, то, несомненно, забыл о нем за следующим изгибом реки, когда взорам путников открылось нечто необычное.

Зеркало воды расширилось и разделилось надвое, прорезанное темным клином продолговатого лесистого острова. При той скорости, с которой они двигались, остров был похож на огромный корабль, приближающийся к ним. То был корабль с очень высоким носом – или, точнее, с очень высокой трубой – потому что на ближайшем мысу стоял очень странный дом, непохожий на все, что им когда-либо приходилось видеть. Он был не особенно высоким, но, принимая во внимание его ширину, не мог называться иначе как башней. Эта башня была целиком построена из дерева, причем самым беспорядочным и причудливым образом. Некоторые брусья из прочного, выдержанного дуба чередовались со свежеструганными дубовыми досками, а белые сосновые балки соседствовали с гораздо большим количеством той же сосны, густо покрытой черным варом. Эти черные балки выпирали и перекрещивались под разными углами, создавая впечатление пестрой составной головоломки. Несколько окон с разноцветными стеклами были забраны чугунными решетками в старомодном, но изысканном стиле. Путешественники смотрели на это сооружение с парадоксальным ощущением, которое возникает у человека, когда он видит нечто знакомое и вместе с тем уверен, что это нечто совершенно иное.

Даже пребывая в замешательстве, отец Браун не забывал анализировать свое состояние. Он пришел к выводу, что необычность башни состояла в том, что знакомая форма была изготовлена из несообразного материала, как если бы человек вдруг увидел цилиндр, сделанный из олова, или сюртук из клетчатой шотландской ткани. Он был уверен, что где-то видел разноцветные балки, уложенные таким образом, но в более скромных архитектурных пропорциях. В следующее мгновение он увидел за темными деревьями какой-то силуэт и рассмеялся, потому что узнал все, что хотел знать. Через просвет в листве на мгновение возник один из тех старинных деревянных домов, облицованных черными балками, какие до сих пор встречаются в Англии, но большинству из нас доводилось видеть их лишь в какой-нибудь постановке под названием «Старый Лондон» или «Шекспировская Англия». Священник успел заметить, что, несмотря на старомодный вид, это был комфортабельный и ухоженный сельский дом с цветочными клумбами перед фасадом. Он ничем не напоминал диковинную разномастную башню, которая казалась построенной из его отходов.

– Это еще что такое? – поинтересовался Фламбо, по-прежнему смотревший на башню.

– Ага! – торжествующим тоном воскликнул Фэншоу, поблескивая глазами. – Готов поспорить, раньше вы не видели ничего подобного! Поэтому я и привез вас сюда, друг мой. Теперь вы увидите, преувеличивал ли я, когда рассказывал о морях из Корнуолла.

Эта усадьба принадлежит старому Пендрагону, которого мы все зовем Адмиралом, хотя он вышел в отставку, так и не дослужившись до адмирала. Дух Уолтера Рэли и Хоукинса живет в памяти девонширцев, но Пендрагоны – это живая легенда. Если бы королева Елизавета восстала из мертвых и поднялась по этой реке на позолоченной барке, она бы встретила в доме Адмирала точно такой же прием, к которому привыкла у себя, вплоть до каждого уголка и оконной створки, от каждой стеной панели до каждой тарелки на стене. И она поговорила бы с английским капитаном, который до сих пор горит неукротимым желанием открывать новые земли, плавая на легких и непрочных судах, – точно так же, как в то время, когда она ужинала с Дрейком.

– Она бы обнаружила в саду нечто подозрительное, что не порадовало бы ее классический вкус, – заметил отец Браун. – Елизаветинская домашняя архитектура по-своему очаровательна, но башни противоречат самой ее природе.

– Тем не менее это самая романтическая часть усадьбы, и она имеет прямое отношение к елизаветинской эпохе, – отозвался Фэншоу. – Башня была построена Пендрагонами во времена войн с Испанией, и хотя с тех пор она нуждалась в ремонте и даже в перестройке по другой причине, ее каждый раз воссоздавали в прежнем виде. По преданию, супруга сэра Питера Пендрагона построила башню в таком месте и такой высоты, чтобы с вершины можно было видеть угол побережья, где суда поворачивают в устье реки. Она хотела первой увидеть корабль своего мужа, возвращавшийся домой из Испанского Мэйна.

– Вы упомянули о перестройке по другой причине, – сказал отец Браун. – Что это за причина?

– О, это тоже странная история, – с видимым удовольствием ответил молодой сквайр. – Вы попали в страну старинных легенд. Здесь был и король Артур, и Мерлин, а до них – дивный народ Фаэри. История гласит, что сэр Питер Пендрагон, увы, обладавший некими пиратскими наклонностями наряду с выдающимися мореходными достоинствами, вез домой трех испанских джентльменов, находившихся у него в почетном плену, намереваясь представить их ко двору Елизаветы. Но он обладал вспыльчивым и буйным характером и как-то, повздорив с одним из испанцев, схватил беднягу за горло и, случайно или умышленно, бросил его в море. Второй испанец, брат первого, сразу же обнажил шпагу и бросился на Пендрагона. После короткой, но яростной схватки, в которой оба получили по три ранения, Пендрагон пронзил его своим клинком, и второй испанец тоже отдал Богу душу. В это время корабль уже повернул в устье реки и находился поблизости от мелководья. Третий испанец прыгнул за борт, поплыл к берегу и вскоре достиг такого места, где можно было стоять по пояс в воде. Повернувшись лицом к кораблю и воздев руки над головой, словно пророк, призывающий гнев небесный на город грешников, он обратился к Пендрагону ужасным и пронзительным голосом. Он сказал, что еще жив и будет жить вечно и что в течение многих поколений потомки рода Пендрагонов не увидят его, но будут знать по вполне определенным признакам, что его месть по-прежнему жива. С этими словами он нырнул под набежавшую волну и либо утонул, либо проплыл под водой так далеко, что с тех пор его никто не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.